

ЧИТАЙТЕ КНИГИ ОЛЕГА РОЯ

Мир над пропастью
Муж, жена, любовница
Улыбка черного кота
Дом без выхода
Капкан супружеской свободы
Обещание нежности
Нелепая привычка жить
Амальгама счастья
Обняться, чтобы уцелеть
Украденное счастье
Барселонская галерея
Эдельвейсы для Евы
Мужчина в окне напротив
Сценарий собственных ошибок
В сетях интриг
Галерея «Максим»
Банкротство мнимых ценностей
Вдали от рая
Паутина лжи
Игра без правил
Шаль
Тайна
Искушение
Тот, кто стоит за плечом
Письма из прошлого
Три краски
Одно чудесное пари
Человек за шкафом
Повторный брак

Дочки-матери, или Каникулы в Атяшево
Я тебя никому не отдам
Привет, моя радость!
Двойная жизнь
Фамильные ценности, или Возврату не подлежит
Писатель и балерина
Семь признаков счастья
Маскарад на семь персон
Синдром Атяшево
Не оставляй меня, любимый!
Код личного счастья
Тайный шифр художника
Зов дельфина
Герой ее романа
Верь в меня
Домовой
Запасной козырь
Принцесса отражений
Римские каникулы
Будем как боги
Зеленая тетрадь
Прости
Неслучайные встречи

Диалогия «Белый квадрат»

Лепесток сакуры
Захват судьбы

Трилогия «Три цвета любви»

Три цвета любви
Три ступени вверх
Три судьбы

О Л Е Г
Р О Й

ТАЙНА

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р65

Редактор серии *Валерия Горюнова*
Оформление серии *Натальи Каштъкиной*

Рой, Олег.
Р65 Тайна : роман / Олег Рой. — Москва : Эксмо,
2024. — 384 с.

ISBN 978-5-04-172231-9

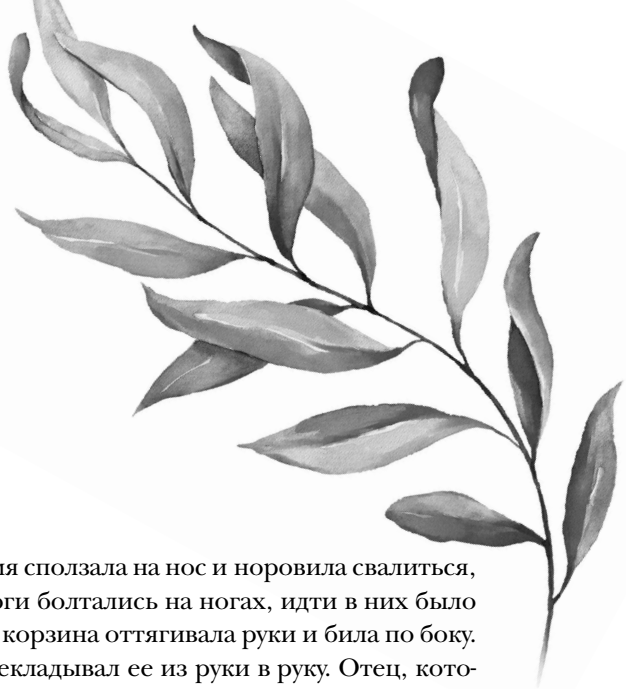
На нее охотились, ее похищали, ссылали и держали взаперти. А все потому, что она, простая деревенская девушка, обладала необычным талантом, подобным тому, которым были наделены Вольф Мессинг и Ванга. Знание своей судьбы заманчиво. Но Ольге ведать об участи возлюбленного, о доле своих близких совершенно не хотелось. Не из-за того, что пугала ее слава ведьмы, не из-за того, что Оля перестала принадлежать самой себе – потому лишь, что в борьбе с роком даже такой человек, как она, слаб и ничтожен.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© О. Рой, 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-172231-9

*Памяти моего сына Женечки
посвящается*

Часть 1

Валун

Шапка все время сползала на нос и норовила свалиться, растоптанные сапоги болтались на ногах, идти в них было неудобно, большая корзина оттягивала руки и била по боку. Вася то и дело перекаладывал ее из руки в руку. Отец, который утром помогал ему собираться, судя по всему, думал совсем не о том, как лучше снарядить сына, а был полностью погружен в свои собственные невеселые мысли. Ему, наверно, было о чем подумать. Совсем недавно в их деревне создали колхоз. Васятка сразу запомнил это слово, как и другое — уже потруднее — кол-лек-ти-ви-зация. Тогда все только и говорили эти слова. А что такое этот колхоз — он не понимал. Да и многие не понимали: как это — работать на общих полях, иметь общее стадо? Как говорил отец — одни будут работать, другие лодырничать, а получать поровну? Потому он и на работу в колхоз ходил неохотно, да и с матерью они в последнее время часто ругались. Вот он и собрал сына в лес по грибы кое-как.

Поэтому Вася и отстает от Оли. Она, конечно, постарше, собралась сама, все на ней ладно да складно, вон

как шагает, как будто не по узкой кривой тропинке, а по ровной дороге. А ему все время лезут под ноги узловатые корни, спутанная трава цепляется за сапоги, а еще то и дело попадают налитые до краев красноватой торфяной водой ямы, которые приходится обходить. Где уж тут за сестрой поспеть? А она небось считает, что он еще маленький, задается, идет легко и быстро. Что ж, правильно... Вася действительно устал, запыхался, впору было признавать свое поражение и поворачивать домой.

Он тяжело вздохнул и тут же опустил глаза — заметил устремленный на него легкий, как у олененка, внимательный взгляд сестры. Оля возвращаться и не думала — азарт напал.

Отец-то, наверно, с утра уже выпил вина, или чего там он пьет — от него исходил кисловатый приторный запах, смешанный с легким перегаром, слабый, почти незаметный. Но Васятка хорошо знал этот запах и сразу учуял его. Значит, у отца опять начался загул. Что это им несет — неизвестно, но вряд ли что-то хорошее. Когда отец пьет, то и без того трудная жизнь становится еще хуже. О легкой-то жизни им и мечтать не приходится — это Васятка уже успел понять. Вот мать вернется — вообще светопреставление начнется: увидит, что отец пьет, будет ругаться, скандалить, бить посуду...

Он стащил с вспотевшей головы шапку. Голову с коротко остриженными волосами тут же обдул тонкий осенний ветерок. Мать всегда так его стригла, «под ноль», говорила она. Так вши не заведутся и голову проще мыть. Мать у них упрямая, уж если что придумает, то ни за что не отступится. Да и некогда ей особо вникать во все — дома она бывает редко, наездами.

Наконец они добрались до поляны и сразу пошли медленнее, внимательно глядя вокруг. Оля почти тут же наклонилась и выпрямилась, держа в руках крепкий черносерый подберезовик. Везет ей. Вася только вздохнул, он уже смирился с тем, что у Ольки все получается лучше, чем у него. И не только потому, что она старше. У нее все получается лучше, чем у многих. И шить она умеет, и готовить, любая домашняя работа у нее получается. Да так ловко и легко, как будто она играет, а не работает. И животные ее любят. Корова как увидит ее, так мычит и тянется к ней, не говоря уж про кошек и собак.

А в прошлом году они с ней ходили к тетке в соседнюю деревню. Подошли к околице и увидели огромного черного быка. Он вырвался из стойла и теперь свирепорыль копытами землю, на губах у него вскипала пена, в носу блестело железное кольцо. Он смотрел вокруг, утробно всхрапывал и яростно бросался на людей, пытавшихся поймать его и загнать обратно. Оля с Васей, ничего не подозревая, вышли из неглубокого овражка к крайним домам и оказались прямо перед быком, склонившим лобастую голову к земле. Казалось, он вынюхивает что-то, кося налитым кровью глазом. Увидев возникших прямо перед ним детей, он громко фыркнул и поднял голову. Вася до сих пор помнил, как под его блестящей шкурой мощно перекатались комки мускулов. Он стоял прямо перед быком и от страха не мог двинуться с места. Люди, метавшиеся поодаль, что-то закричали, но он ничего не слышал. Видел только широкий лоб с завитками жесткой короткой шерсти да желтоватые рога с черными острыми концами. Бык тяжело переступил с ноги на ногу и весь как-то подобрался.

Он готовился к неукротимому броску. Кто-то вскрикнул, но Вася ничего не слышал — они с быком словно стали одним целым: видели только друг друга и ничего не замечали вокруг.

Неожиданно Оля шагнула вперед и встала прямо перед разъяренным животным. Она негромко заговорила успокаивающим голосом, а потом потихоньку начала подходить к быку.

— С ума сошла, дуручка! — заполошно вскрикнула какая-то женщина. — Бегите!

На нее прикрикнули, толпа замерла и напряженно затихла.

Оля, продолжая что-то приговаривать, подошла к быку вплотную, дотронулась до его лба и погладила завитки шерсти. Бык фыркал, шумно дышал, но стоял на месте. Он как-то притих, злая сила, клокотавшая в нем, прошла на спад. Оля медленно и осторожно ухватила его за шею и повела к коровнику. Она потрепала его по шее, и он послушно вошел в стойло. Девочка попятилась назад и тут же заложила выход толстой надежной жердью. Сказала что-то быку и потихоньку вышла.

На улице к ним бросились люди.

— Целы? — тормошили они детей. — Вот недосмотрели-то за скотиной, хорошо, что обошлось...

— Обошлось... — сказал высокий мужчина. — А как обошлось-то?..

Все опять затихли и с удивлением посмотрели на Олю.

— Да как же ты, девонька, быка-то утихомирила? — спросила краснощекая молодая женщина. — Ай слово какое знаешь? Скажи нам...

— Скажи, скажи... — загомонили вокруг, — как это ты такого зверя не побоялась?.. Такая маленькая. Чудно...

— Никакого слова я не знаю... — потупилась Оля, — просто за братика испугалась. Он бы его забодал. Сама не понимаю, как он меня послушался...

— Не-ет, знаешь, знаешь ты слово... — убежденно протянула все та же краснощекая женщина, — не хочешь говорить, таишься... Правду про вас говорят, что ваша бабка колдунья. Вот тебе и передалось...

— Бабушка Марфа никакая не колдунья, ничего и не передалось! — обиженно крикнула Оля. — Просто животные... Они все понимают. С ними по-хорошему — и они по-хорошему.

— Не хочешь признаваться, — протянул кто-то из толпы, — смотри, девка! С такими вещами не балуют.

Люди стали расходиться, обсуждая случившееся. Все сошлись во мнении, что дело нечистое, без ведовства не обошлось. Хорошо хоть, что ведовство это не во зло.

А Вася с тех пор стал замечать за Олькой много чего непонятного.

Вот и сейчас... Сколько они уже ходят, он и десятка грибов не нашел, а Ольга только успевает наклоняться. Он недовольно покосился на свою корзинку. Сестра заметила его взгляд, спрятала улыбку и отвернулась.

Совсем мало грибов. Куда меньше, чем у нее. Все оттого, что она глазастая. Это он давно знал: Ольга все замечает, ничего от нее не скроешь: ни припрятанную под подушкой рогатку, ни пряник, ни пятак. Как сквозь тебя глядит, знает про то, про что знать ей ну никак невозможно...

— Ты все по сторонам смотришь, оттого и грибы не видишь, — будто услышав его мысли, не выдержала, наконец сестра и потрепала брата по макушке.

«Ну, все, теперь задаваться будет», — недовольно подумал Вася.

— Грибы такие хитрые пошли, так и прячутся от меня, — проворчал мальчик.

— Это потому, что ты только хорошие ищешь. Ну-ка посмотри, что у тебя в корзинке: подосиновики, белые... Все сплошь благородные грибы. На другие ты даже не смотришь, а ведь они тоже хорошие. Если приготовить правильно — пальчики оближешь. Смотри, какие у меня... И сыроежки, и маслята, и лисички...

— Ну, и кто это есть будет? — презрительно скривился он.

— А мы их все вместе поджарим с картошкой да на сале с луком — ты в сковороде и не заметишь, какие где... Так вкусно получится, будешь есть и нахваливать, — засмеялась Оля.

Вася промолчал: он был не согласен с сестрой — но что тут попусту спорить? Ее не переубедишь. А потом окажется, что она и вправду была права. Но представить сейчас это невозможно. Сколько мальчик себя помнил, никогда такого не было, чтобы эти грибы в корзинку класть, всегда такие за сор считали.

На миг взгляд Оли затуманился, она слегка нахмурилась.

— А денег у нас сейчас нет, сам знаешь. Отец опять на колхозную работу не ходил. Хорошо, если ему отгул оформят. Все мать ждет, переживает. А есть-то нам что-то надо. Если сами себе пропитание не добудем, то зубы на полку положим. Иди, посмотри вон там, под елками...

Вася, послушно кивнув, принялся еще усерднее шарить под деревьями. Но как назло грибы и впрямь будто попрятались. Яркие краски и разноцветье сентябрьского леса, словно решившего покрасоваться перед холодным временем года, завораживали и отвлекали. Да и усталость сказывалась — поди с самого утра бродят, есть охота, во рту больше шести часов маковой росинки не было. Правда, под елками и впрямь стали попадаться грибы, и он сразу забыл про все свои горести...

А Оля осторожно подошла к большому валуну, лежавшему на краю глубокого, сырого оврага. Издали он был похож на огромное невиданное животное или чудище, выбравшееся из оврага и прилегшее отдохнуть. Внизу валун зарос мхом и лишайником, а ближе к закругленной вершине виднелась как бы широкая ступенька. В этой ступеньке было углубление, похожее на гнездо огромной птицы, несшей каменные яйца. В деревне говорили, что это не простой камень, когда-то давным-давно люди здесь молились лесным богам и духам, а чтобы умиловить их, в каменное гнездо наливали кровь. Чью кровь, не говорили, а Оля почему-то боялась спрашивать. Было жутко и непонятно. Бабушка Марфа говорила, что этот валун лучше обходить стороной, а если уж оказался рядом, то нельзя шуметь и громко разговаривать...

- Откроется — и пропадешь... — говорила бабушка.
- Что откроется? — не понимала Оля.
- Ну, ход там... Куда людям нельзя... — неохотно отвечала бабушка.

Сейчас Оля с любопытством смотрела на каменную глыбу. Камень как камень... Только громадный. И никаких

ходов ни в нем, ни рядом не видно. Она тихо обошла валун кругом. Ничего нет — мох, пожухлая трава, лишайник... Ей показалось, что в каменном углублении что-то алеет. «Кровь!..» — с ужасом подумала она. Но тут же увидела, что это кроваво-красные листья осины, почти доверху набившиеся в углубление.

Оля коснулась шершавого бока валуна. К ее удивлению, камень оказался теплым. Ей даже показалось, что под толстой каменной кожей что-то шевелится, слегка пульсирует. Не хотелось отрывать ладонь от теплого камня. Сама не зная почему, она прижалась к нему всем телом. Непонятный покой охватил ее. Казалось, что и этот лес, и низкое небо, и посвистывающий в ветвях ветер ей снятся, а сама она где-то далеко-далеко. Она почувствовала, что летит по широкому тоннелю. «Ход...» — вспомнила она слова бабушки Марфы, но ей совсем не было страшно. Внезапно ее полет оборвался. Она словно повисла над глубокой темной расселиной, в обе стороны от которой расходились широкие ходы. В одном было светло и спокойно, а другой пугал ледяной пустотой и мраком. Непонятно как, но она поняла, что всю жизнь будет идти между этим светом и мраком и никогда ей не удастся свернуть с этой узкой грани...

— Олька! Олька! Заснула ты, что ли... — услышала она голос брата и с недоумением огляделась. Может, она и правда заснула? И никакой этот валун не теплый — холодный и шершавый... И что это были за ходы? Приснилось... Но в глубине души она чувствовала, что это был не сон.

— Олька, тут грибов полно... — звал Вася. И она двинулась к нему, оглядываясь на огромную серую глыбу. Ей

показалось, что камень смотрит ей вслед жалеющим и добрым взглядом.

– Иду! – крикнула она и побежала к Васе.

Грибов под елками действительно было много, и они с увлечением принялись собирать их, хвастаясь друг перед другом очередной находкой.

Вдруг лесную тишину, особую, сотканную из чуть слышных, еле уловимых шумов – потрескиваний веточек, редкого теперь посвиста птиц, шороха листвы и чуть слышного шелеста травы, прорезали грубые и враждебные звуки: выстрелы, а затем лай собак. И снова выстрелы.

Дети застыли на месте, испуганно глядя друг на друга. Первой пришла в себя Оля, она положила руку на плечо брату и ободряюще зашептала:

– Охотятся, видать, тут. Не бойся, Васятка, это вроде не близко к нам. Ничего.

Но девочка ошиблась: звуки охоты становились все громче, охотники стремительно приближались. Уже можно было разобрать чей-то возбужденный голос, отрывистый лай псов, треск сучьев... Действительно, страшно... Оля испуганно прижала к себе брата.

Следующий выстрел раздался совсем рядом с ними. Вася вздрогнул и, не выдержав напряжения, вырвался из объятий сестры и бросился сломя голову прочь от этого места. С перепугу он не заметил небольшой, но все же слишком широкий, для того чтобы перепрыгнуть его, ручей.

Тоненькая жердочка, брошенная через ручей наподобие мостика, переломилась, но все же мальчик в последний момент успел прыгнуть на противоположный берег. Немного отбежав, он остановился и обернулся. Вася по-

нял, что отрезан от сестры, между ними теперь топкий ручей, и окончательно приуныл.

И тут же, как это часто бывает, события завертелись с такой скоростью, что он не успевал осознавать их, понять толком, что происходит, только смотрел во все глаза.

Он увидел, как из чаши выбежал на нескладных высоких ножках лосенок. В боку у него была рана, из нее хлестала кровь. Жизнь покидала его, было видно, что он уже в агонии, на губах пузырилась пена.

Заметив детей, лосенок испугался еще больше, но сил у него уже не осталось. Он начал заваливаться, припадать на колени и, наконец, рухнул чуть ли не под ноги девочке.

Оля неподвижно стояла над лосенком и оторопело смотрела на него. Казалось, она не понимает, что происходит. Кровь обильно текла из раны, земля тяжело набухла алым.

Лай собак раздался уже на соседней поляне: через несколько секунд они настигнут свою добычу и завершат начатое их хозяином дело.

— Оля, убегай, — истошно заорал Вася, — убегай! Спрячься куда-нибудь... Собаки уже совсем рядом, ты что? Они же разорвут тебя!

Но сестра сделала нечто непостижимое. Она поставила корзинку с грибами на землю и, вместо того чтобы помчаться прочь, опустилась на колени перед раненым животным и начала ласково его гладить.

— Олька! Убегай! Спасайся! — Вася почти хрипел от страха, но она не обращала на него ни малейшего внимания.

Только на мгновение она смерила мальчика таким взглядом, который появлялся у нее, когда он, балуясь, отрывал сестру от шитья или стряпни: немного строгий и на-

смешливый одновременно. Он понял, что она абсолютно спокойна, как будто забыла, где находится и что сейчас на поляну ворвутся разъяренные собаки и их хозяева. Кто знает, какие это люди — лихие или добрые? Время неспокойное, лихих-то нынче гораздо больше по лесам ходит. Эти, наверно, чужие, добра от них не жди, вон как псы заливаются, алчут крови...

Лосенок поднял на девочку полный страдания и боли взгляд, потом глаза его закатились в преддверии скорой смерти. Оля крепко зажала руками рану и вполголоса, точно молясь, быстро заговорила.

Вася невольно прислушался и разобрал обрывки слов:
— Пожалуйста... не умирай... живи... живи... Потерпи немного... сейчас пройдет... сейчас заживет, затянется...

Из чащи вынырнула свора собак. Истерически зайдясь в заливиستم лае, псы тут же бросились к раненому лосенку. Но тут снова произошло что-то невероятное. Одна за другой собаки сначала чуть замедлили бег, потом перешли на неуверенный шаг, а после и вовсе начали останавливаться, словно наткнувшись на невидимую преграду. Вася, чуть не падая в обморок от ужаса, перевел взгляд на сестру. Она медленно поднялась на ноги, встала, прямая как стрела, и посмотрела на собак в упор. Собаки неуверенно стали озираться по сторонам, что-то их пугало, будто они видели нечто, чего не видел Вася. Они начали жалобно поскуливать, боязливо поджимать хвосты и отступать.

И как раз в этот момент на поляне появился запыхавшийся хозяин собак, бородатый старик Пантелей.

Вася привалился к дереву и облегченно вздохнул, ноги его дрожали. Тот, кого они со страху приняли за несколь-

ких охотников, оказался знакомым. Дед Пантелей был из их деревни и даже жил неподалеку от них.

— Ух, это вы, дядя Пантелей! — воскликнул, наконец, мальчик. — А мы вас не узнали. Это вы лосенка подстрелили?

— Да я, черт его дери. Он ломанулся через овраг, мои собаки почти уже схватили его, но он все-таки ушел... А чего это вы скисли? Чего жметесь? — Он грозно прикрикнул на своих собак, потом присмотрелся к ним и удивленно добавил: — Да что это такое с вами? Чего вы боитесь?

Пантелей был заядым охотником и держал у себя дома целую стаю собак. Собаки эти были злые, брехливые и полудикие... Может, они были такими от голода — Пантелей недокармливал их, считая, что они должны добывать себе пропитание сами... Теперь он не узнавал своих свирепых питомцев.

— Вы так ругались, что мы подумали, что там много людей, — продолжал тараторить Вася. Старик хмуро взглянул на него, кивнул, потом подошел к Оле.

— Ольга, ну чего ты? Жалеешь его, что ли? Брось ты это... Мясо — оно мясо и есть, — он с сочувствием положил руку на плечо девочки, взгляд его слегка потеплел.

Она ничего не ответила, полностью погруженная в себя, как будто пребывала в каком-то сне. Она опять встала на колени, склонилась над лосенком и иступленно гладила его. Лосенок лежал неподвижно. Казалось, что он уже умер, даже бока перестали судорожно вздыматься и опадать...

Но вдруг как будто волна прошла по телу животного. Лосенок вздрогнул, с трудом пошевелился, а потом внезапно вскочил и стремительно бросился прочь.

Вася охнул. Собаки завизжали и запрыгали, но не бросились вдогонку. Старик оторопело сморгнул и даже протер глаза — зрение уже не то стало, подводит, и старуха все зудит — купи в городе очки, мол, пусть тебе доктор выпишет. А что ему эти очки? Он как-нибудь свой век и так доживет.

Но сейчас Пантелей впервые пожалел о своем упрямстве: потом он так и не смог точно объяснить, что же случилось. Все в деревне, конечно, посмеивались, мол, дед Пантелей совсем глазами плох стал. Да только видел он, уверен был, видел все, о чем говорил, так же четко, как свои ладони. И то, что он видел там, на поляне, еще долго стояло перед его глазами. А видел он рану на боку животного, подстреленного опытной, недрогнувшей рукой. Это была смертельная рана, из нее хлестала кровь. А потом вдруг эта рана исчезла на его глазах, только бледенький рубец остался. Не могло у него уложиться подобное в голове, не было на то никакого разумного объяснения.

Пантелей как замороженный смотрел на место, где недавно лежал лосенок.

— Погоди, погоди, да что же это? — пробормотал он наконец, растерянно переводя взгляд с травы, на которой остались следы крови, на девочку и ее брата. — Да он же раненый был, помереть должен был. Вот тут вот лежал... Погодь, Оля, что это он, а? Почему так вышло-то?

Девочка легко поднялась с колен и пожала плечами, мол, не знаю, как так получилось, я ничего странного не заметила...

— А эти что? — старик обескураженно кивнул в сторону собак, которые пристыженно жались к кустам. И вновь ответом ему было молчание.

Пантелей выругался, развел руками, недоуменно разглядывая Олю.

Вася тем временем побегал по берегу ручья и, найдя место, где можно было его перейти, присоединился кestre.

— Пошли, Васятка, домой, пора уже. Нам грибов хватит на несколько сковородок, — сказала Оля.

И, оставив ошарашенного, бормочущего что-то себе под нос старика на поляне, они побрели по лесу.

Гроза

По дороге домой Вася опять задумался. Ему очень хотелось расспросить Олю о диковинном случае, но он не смел и рта раскрыть. Знал, что все равно сестра ничего не объяснит, загадочно так посмотрит и только на смех поднимет. Скажет, глаза есть, сам думай, что видел. А тут думай не думай: непонятно, и все. Лосенок же умирал? И кровь текла... А потом вскочил и убежал, и рана у него затянулась... Нет, не бывает так.

Они прошли сумрачную еловую чащу и, выйдя из леса, двинулись через большое, уже сжатое поле. Погода вдруг испортилась, небо посерело, подул порывистый ветер и начал моросить мелкий, колючий дождь.

— Как бы грозы не было... Правда, бабушка Марфа говорила, что осенью гроз не бывает... Так, иногда... — задумчиво проговорила Оля, озабоченно задрав голову. — А сейчас, смотри, вроде громыхает. И туча вон какая черная идет. Половину неба застит...